

Проф. С. Я. Лурье

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РАБСТВА В МИКЕНСКОМ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В греческих документах микенского времени из Пилоса и Кносса сказано о больших организованных группах рабынь, которым ведется строгий учет. Естественно возникает вопрос, к какой категории принадлежали эти рабыни, — были ли они собственностью частных лиц или неограниченного деспота-царя, или же государственными рабами, принадлежащими общине (*δοῦλοι δῆμου, δημόσιοι*).

Я. А. Ленцман в своем интересном исследовании «Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции»¹ не дает на этот вопрос определенного и ясного ответа. Он считает, что эти рабыни относятся к «составу рабочей силы дворцового хозяйства» (стр. 43) и замечает: «Мы знаем (разрядка моя. — С. Л.), что эти женщины вместе со своими детьми находились на довольствии дворцового хозяйства». Эти предвзятые анализ надписей замечания свидетельствуют о том, что Я. А. Ленцман считает принадлежность этих рабынь к «дворцовому хозяйству» очевидной, не нуждающейся в доказательстве. Но откуда мы это «знаем»? Не из того ли факта, что таблички с текстами о рабынях были найдены в пилосском дворце? Однако в той же комнате пилосского дворца были найдены документы о распределении земли в Сфагийской области, о посылке подарков в храмы, о неявке гребцов в порт Роову, о сборе пехотных отрядов в Метапе и т. д. — все это не имеет никакого отношения к хозяйству дворца в Пилосе. Значит, пилосский архив был общегосударственным, а не дворцовым.

Термин «дворцовое хозяйство» несомненно обязан своим происхождением аналогии с древневосточными государствами, где под «дворцовым хозяйством» подразумевается хозяйство неограниченного владыки — царя, и если бы Я. А. Ленцман придавал этому термину такой смысл, его точка зрения была бы вполне понятна. Однако он считает нужным оговорить (стр. 43), что применяемый им термин «дворцовое хозяйство» требует специального пояснения. «Под этим термином..., говорит он, подразумевается, с одной стороны, хозяйство пилосского дворца, ... с другой стороны, как в и д н о и з т е к с т о в (разрядка моя. — С. Л.), пилосские писцы не проводили достаточно четкого разграничения между хозяйством собственно дворца и государственным». Я. А. Ленцман, к сожалению, не находит нужным привести эти пилосские тексты. Мне совершенно

¹ ВДИ, 1955, № 4, стр. 41 сл.

не известны тексты, которые говорили бы о царском дворце и его хозяйстве; впрочем, сам же Я. А. Ленцман замечает (на той же странице), что «ни в одном из пилосских текстов не упоминается ни слово „дворец“, ни какой-либо соответствующий этому понятию термин»; ему приходится прибегать к бездоказательному утверждению, что «слово (Puro) означало не только название государства и города, но, возможно, служило также названием ныне раскапываемого дворца». Однако, если в сформулированных по одинаковому шаблону надписях упоминаются на первом месте различные города: Reukotora, Metapa, Aterevisa, Rouso и Puro, то не может быть сомнения в том, что составители надписей понимали и под Puro — город; поэтому примечание автора статьи к слову Puro — «без уточнения: город или дворец» — мне кажется излишним. Конечно, мы вправе предполагать, что, находясь в городе, те или иные работники работали и во дворце, но надписи не дают никакого материала для таких предположений.

Автор замечает еще: «Из применяемого здесь термина „дворцовое хозяйство“ нельзя делать каких-либо выводов ни о политическом строе Пилосского государства, ни о подобии или, наоборот, о различии между экономикой Пилоса и, скажем, царских хозяйств Двуречья» (стр. 43). В этом автор, несомненно, прав. Но на основании изучения политического строя Пилоса, а также тщательного анализа дошедших до нас надписей, мы будем в состоянии сделать более или менее обоснованный вывод о правомерности применения в данном случае термина «дворцовое хозяйство». Для этого необходимо, не ограничиваясь пилосскими надписями групп Aa, Ab и Ad, найденными до 1939 г., привлечь еще и пилосские надписи этих групп, найденные после 1939 г., а также исследовать надписи Кносса, составленные по такому же шаблону, что и разбираемые Я. А. Ленцманом пилосские надписи.

Еще до расшифровки микенских надписей на основании одних только памятников изобразительного искусства можно было заключить, что общественный строй Крита и Микен резко отличался от общественного строя некоторых древневосточных монархий. На памятниках искусства соответствующих стран древнего Востока царь всегда представляет собой центр композиции: его фигура значительно больше всех других, он стоит в горделивой позе; часто самые тексты, сопровождающие изображение, средактированы в первом лице от имени царя; нередко и в самих рисунках и в надписях подчеркивается его божественное происхождение. Вероятно, верховный правитель государства изображен и на рисунках Крита и Микен; однако его изображение ничем не отличается от других, и мы уже не в состоянии определить, какие из рисунков изображают царя. Тексты микенского времени также не позволяют представлять себе государственный строй Греции этой эпохи как неограниченную монархию. Прямых указаний по этому вопросу в надписях, правда, нет, но, исходя из ряда косвенных данных, мы вправе считать руководителями Пилосского государства не одно, а двух лиц: ванакта («царя») и лавагета («воеводу»). Вспомним, что и позднейшей Спартой управляли два архагета («царя») и что именно это двоевластие ограничивало их власть; тот факт, что власть двух спартанских царей была спроецирована на небо в виде двух покровительствующих им Диоскуров, указывает на глубокую древность этого двоевластия.

В пилосских надписях ремесленники — бывшие свободными, а в ряде случаев и богатыми людьми — делились на две группы: «царских» и «воеводских».

«Царь» очень редко упоминается в надписях Крита и Пилоса. Вот все случаи упоминания царя: в надписи Un 2 (ср. Na 334: vanaka eke

«царь имеет») речь идет о натуральных повинностях в пользу царя (ср. $\delta\omega\tau\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ и $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\epsilon\varsigma$ гомеровских и спартанских царей); далее, если царь и «царь топора» (*regekivanaka*) — одно и то же лицо, то в надп. Va 15 речь идет о сакральных функциях царя по очищению города Пилоса; в надп. Ta 711 царь удаляет в изгнание гражданина¹; возможно, что причиной было убийство, и здесь мы имеем дело также с сакральными функциями царя. И «царю» и «воеводе» выделяются особые участки, темены, из государственной земли (Ер 312, 1, 3): темен царя только в три раза больше участков, выделяемых каждому из других должностных лиц (телестов), а темен «воеводы» такой же, как эти участки. Есть только один случай, когда гражданин награждается земельным участком не только «народом» (*zamo*), но и из «воеводского управления» (*ravakesijo*— $\lambda\alpha\Gamma\alpha\gamma\eta\sigma\iota\omicron\nu$), но кто был хозяином дворца в Пилосе — царь или воевода — и был ли этот дворец тождественен с $\lambda\alpha\Gamma\alpha\gamma\eta\sigma\iota\omicron\nu$, мы не знаем. Во всех остальных случаях земель, исключая лишь частновладельческую, распоряжается «народ» (всегда отмечается, что ее получают *rago zamo* «от народа»); даже храмовую землю, собственником которой является бог, сдает в аренду не верховная жрица, а народ (Ер 704, 3, 5). Конечно, в действительности все эти права народа могли быть только рудиментом первобытной военной демократии — фактическая власть могла принадлежать «царю», «воеводе» и упоминаемым в надписях базилям, геронтам и телестам; однако юридическим хозяином земли, в отличие от монархии, здесь оставался народ; юридически личное земельное хозяйство «царя» и «воеводы» не отличалось от земельного хозяйства других сановных лиц. Нет основания думать, что при затруднительности и малодоступности письменности в те дни, каждое из таких сравнительно небольших хозяйств имело свое делопроизводство.

Концепция, легшая в основание трактовки этого вопроса в новом капитальном труде Вентриса и Чадвика², также страдает серьезными недостатками. Очень хорошо, что Вентрис и Чадвик, вслед за Пальмером, привлекают многочисленные параллели из общественных отношений у хеттов, в Угарите и даже в Египте и у древних германцев, но все эти параллели вовсе не доказывают, что микенское общество было «феодальным» — *comparaison n'est pas raison*. Гораздо убедительнее сравнение с гомеровским обществом, в котором демос, если не фактически, то ю р и д и ч е с к и оставался крупным фактором общественной жизни — пережитки военной демократии были еще очень сильны. Вентрис и Чадвик немногого достигают тем, что слово *zamo*, $\delta\acute{\alpha}\mu\omicron\varsigma$, переводят не «народ», а «селение» (*village*, стр. 121, 233—235, 265) — если бы под *zamo* подразумевались земельные владения селения, то было бы сказано *aro zamo* или *e zamo*, а не *rago zamo*. Но, очевидно, Вентрис и Чадвик такого смысла в этот перевод не влагают: по их мнению (стр. 265), распределение участков «общинной земли» происходило в «совете селения», в котором заседали телесты. А почему не в народном собрании, в котором, как мы видим из Гомера, фактически управляли те же телесты? Говоря о «народе», мы не имеем, конечно, в виду, что распределение земли производилось в общепилосском народном собрании. Гомер говорит о девяти «эдрах», из которых состоял пилосский народ, и, скорее всего, распределение земли производилось отдельно в каждой из них. Утверждение же Вентриса и Чадвика, будто *zamo* и *tereta* в микенских надписях равнозначны, основано на неправильном переводе и толковании соответствующих над-

¹ См. С. Я. Л у р ь е, Язык и культура микенской Греции, М., 1957, стр. 214 (ниже ЯКМГ).

² M. Ventris and Chadwick, Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956.

писей, как я показываю в рецензии на эту книгу (см. в следующем номере ВДИ).

Категория «государственных рабов, рабов народа» (δοῦλοι δῆμου, δημόσιοι) существовала уже тогда, но была, по-видимому, весьма малочисленной: зоего зато — δοῦλος δῆμου упоминается только один раз¹.

Все потребности высших должностных лиц и геронтов, а также сравнительно небольшие государственные потребности (войско, флот, дороги, городские стены, храмы и т. д.) обслуживаются тем же народом в форме натуральной повинности, тягла, которое в Греции ископек веку носило название δημιουργία или λητιουργία («работа на н а р о д»); народ уже тогда, как и в позднейшеегомеровское время (см. ЯКМГ, стр. 220 сл.), должен был по определенной раскладке поставлять припасы для кормления этих людей; отдельные районы страны поставляли по определенной разверстке рабочих, мастеров и государственных служащих. Ремесленники либо получали на дом по точному весу и счету материал для обработки (tarasija) и должны были сдавать его государству в обмен на получаемую ими землю или продукты, или же должны были аккуратно являться на работу: «явившиеся» (paete) и «неявившиеся» (apeote) тщательно регистрировались по месту и профессии; высшие должностные лица могли освобождать то или иное лицо от явки (Ap 724,7); базилеи следили за точностью веса сдаваемых бронзовых изделий.

Точно такой же натуральной повинностью являлось снабжение храмов богов продуктами, одеждой, изделиями из металла и посудой; но отметим, что, наряду с этими предметами, н а т у р а л ь н о й п о в и н н о с т ь ю была и поставка р а б ы н ь (а не рабов!) для храмов.

Следовательно, было бы неправомерно на основании того, что «отряды женщин, упомянутые в надписях групп Аа и Аб, составлены по этническому и производственному принципу», утверждать, что они были рабынями²: списки повинностей свободных людей составлялись по тому же принципу. Да и самое слово «раб», «рабыня» в применении к столь ранней эпохе греческой истории нуждается в пояснении.

На это обратил внимание уже сам Я. А. Ленцман (ук. соч., стр. 54); я посвящаю в своей книге (ЯКМГ, стр. 269 сл.) несколько страниц вопросу о значении слова δοῦλος в раннем греческом языке, и прихожу к выводу, что уже в микенское время слово δοῦλος имело широкое значение, но, в частности, обозначало также и ту категорию людей, к которой оно применялось в классическую эпоху: участь δοῦλος, зоего уже в микенскую эпоху была сплошь и рядом очень тяжелой.

Конечно, трудно представить себе, что уже в микенскую эпоху существовало рабство в его позднейшей форме — с разделением населения на две резко разграниченные, противостоящие друг другу группы — свободных потребителей и рабов-производителей, причем раб мыслился как κτήμα ἔμψυχον, как абсолютно неспособное существо, предоставленное полному произволу господина, которое не может иметь законных детей и вообще вступать в законный брак, а тем более со свободной. Иначе дело обстояло еще в VI в. и в более позднее время в наиболее отсталых земледельческих областях — в Фессалии, Спарте и на Крите, где сохранялись наиболее примитивные формы рабовладения. Особенно для нас поучителен Крит, так как не исключена возможность, что здесь в классическую эпоху частично сохранились формы рабовладения, бытовавшие на этом острове еще в микенскую эпоху. Здесь³ несвободное

¹ В кносской надписи С911,6.

² Ср. Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 49.

³ См. Oehler, Kreta, RE, т. 22, 1922, стб. 1819 сл.

население не отделялось резко от свободного, а распадалось на ряд групп, высшая из которых мало чем отличалась по своему положению от свободных, но положение различных групп рабов резко различалось между собой. Здесь мы встречаем прежде всего государственных сельскохозяйственных рабов — мноитов, обрабатывающих государственную землю, затем частных сельскохозяйственных рабов, сидящих на больших земельных участках отдельных родов. Эти большие пространства земли называются *κλᾶροι*, а потому рабы, сидящие на них, *κλαροῦται*, с прибавкой суффикса *-ῶται* к корню *κλᾶρ-*. Кроме них существовали еще городские домашние рабы (*Γοικῆες*), называвшиеся также *χρυσῶνῆτοι* «купленные за золото». Согласно Поллуксу (VII, 83) и Страбону (XV, 34), только эти последние и являются настоящими рабами, тогда как клароты и мноиты находятся «посередине между свободными и рабами», это — «цветущие юноши, которыми пользуются в качестве рабов».

Однако между кларотами и мноитами, с одной стороны, и свободными, с другой, были еще промежуточные категории: это — дети от браков рабов со свободными. В V в., когда по всей Греции уже определилась резкая пропасть между рабами и свободными, эти взгляды нашли отражение и в законах города Гортины на Крите: ребенок от такого брака естественно должен был становиться членом одной из противостоящих друг другу групп — л и б о рабом, л и б о свободным; было установлено правило, что, если свободная женщина возьмет к себе в дом в качестве мужа раба, то дети от этого брака становятся свободными; если же свободная женщина придет в жилище раба в качестве жены, то дети от этого брака будут рабами. Уже а priori можно думать, что в более раннюю эпоху дело обстояло иначе — что дети от смешанных браков занимали какое-то среднее положение между свободными и рабами; данные надписей микенской эпохи подтверждают это предположение.

Кносские надписи C 191 и C 192+5027 представляют собой списки рабов различных владельцев; этим рабам были поручены овцы и козы (вероятно, для стрижки, пастьбы и т. п.). В каждой строке обычно дается имя владельца раба в род. пад., имя раба и обозначение категории, к которой раб принадлежит; затем следует идеограмма овцы или козы и цифра — количество мелкого скота. подведомственного данному рабу¹.

Раб обычно квалифицируется как *зоеро*, *δοῦλος*, но встречается и ряд других терминов, — прежде всего, *roveu* и *rokuta*. В некоторых случаях вовсе не указано, к какой категории принадлежит раб; может быть, в этих случаях слово *зоеро* подразумевается. Иногда слово *rokuta* заменено здесь сокращением «ро».

О значении слова *rokuta* возможны только предположения. Изучение этимологии этого слова показывает, что оно, может быть, означало: «ребенок, прижитый от внебрачной связи с рабом или рабыней» (см. ЯКМГ, стр. 273).

В пилосской надписи An 610² говорится о наборе гребцов из различных городов; внутри каждого города они распределены между различными группами его населения (напр., *kitita* — основной контингент граждан, *metakitita* — более поздние переселенцы). В одном из селений в числе этих групп упомянуты «*rokuta* (чел.) 10». В надписи из Пилоса An 207,9, *rokuta* упомянуты в списке различных ремесленников. Это упоминание весьма любопытно. Ниже мы увидим, что *зоерея*, женщины, родившиеся от смешанных браков рабов со свободными, имели специальную обязанность — обслуживать высших должностных лиц — экетов и телестов; так и *rokuta*, по-видимому, имели какие-то специальные обязан-

¹ Перевод этих надписей см. ЯКМГ, стр. 272 сл.

² См. ЯКМГ, Хрестоматия, стр. 349 сл., № 3—4.

ности. В приведенных выше надписях им вверено известное количество овец и коз; но из надписи L 469, где читается *rokuta* и дана идеограмма плаща (может быть, из овечьей или козьей шерсти), пожалуй, можно заключить, что в их же обязанность входило также прядение и тканье овечьей шерсти — все это, разумеется, весьма гадательно¹.

Наряду с *rokuta* встречается и другой термин — также для детей смешанных браков рабов со свободными (женского пола) — *zoqeja* (ЯКМГ, стр. 274). Этот термин мы встречаем в интересной надписи An 607. В первой строке этой надписи читается: *Metapa kerimija zoqeja kiriteviija*. «Метапа» — название одного из городов Пилосского государства; *kerimija* — рабы, работающие в помещении хозяина, в противоположность *tagasiija* — этим термином обозначается работа, взятая на дом (в этом смысле эти термины противопоставлены друг другу в надписи из Крита — Lc 535+538). *kiriteviija* — привилегированная категория рабынь, получающих от народа земельные участки для довольствия². После этого заглавия перечисляется ряд *zoqeja*; относительно каждой из них указывается, что один из родителей этой женщины был рабом, а другой свободным человеком (горшечником, кузнецом, «зевсовой рабыней»³ и т. д.). Кроме того читается: «Пусть они будут рабынями колесничим (*eqetaji*, ἰππέταις) и телесту⁴».

Можно полагать, что рабыни, предназначенные для обслуживания этих высоких должностных лиц, должны были иметь одним из родителей свободного человека, и целью надписи было показать, что указанные в списке рабыни удовлетворяют этому требованию. Отметим, что и в пилосской надписи Eb 847 упомянута особая категория мужчин, получающих земельные участки для довольствия — *eqesijo* «рабы, обслуживающие колесничих».

Рабы другой группы, встретившиеся нам в стк. 3 указанной выше надписи C 911, назывались *voveu* или *vovijata*. Как были синонимны в позднейшее время термины для обозначения рабов — *Γοικεύς* и *Γοικιάτας* (см. ЯКМГ, стр. 275), так же, надо думать, были синонимны термины *voveu* и *vovijata*.

О том, что *voveu* было названием зависимых людей, близких по своему положению к рабам, свидетельствует надпись Ad142 в новом чтении Беннета. Здесь *voveu kovo*, ὄρφεὺς κόρφος «мальчик *voveu*» упомянут в группе надписей, содержащих имена сыновей рабынь различных специальностей (см. ниже, стр. 23).

Voveu — производное слово от *vovo*. *Vovo* — это очень большой участок земли; *vovo* очень часто упоминается в пилосских надписях в списках селений на равных основаниях с городами (см. ЯКМГ, стр. 239). Такие же большие земельные участки родовых объединений существовали на позднейшем Крите — здесь они назывались *κλῆροι*. Полусвободные люди, сидевшие на этих участках, назывались *κλαρῶται*; они «находились посредине между свободными и рабами» (Поллукс). Можно полагать, что *voveu* или *vovijata* — старое название *κλαρῶται*.

¹ Ventris — Chadwick, Documents, стр. 405: A class or trade of men: poskhtuai, wine-pourers. Какое отношение имеют «виночерпии» к пасению скота и к шерсти — непонятно; ясно, что дешифровка *poskhtuai* — неудачна.

² См. ЯКМГ. Вентрис и Чадвик, там же, стр. 397: «Класс женщин — может быть, с религиозными функциями». Совершенно произвольное, ни на чем не основанное предположение. ср. в той же книге, на стр. 253, другое толкование: «функция этих женщин неизвестна», и на стр. 167 третье толкование: «gearer — жница». Но *kiriteviija* означает, очевидно, способ снабжения, а не род деятельности.

³ «Божьи рабы» — лично свободные люди, приписанные к храму и несущие сакральные обязанности.

⁴ Так назывались должностные лица.

В пилосской надписи An 25 читается *gapte novijata*, затем одно слово повреждено и далее читается *perekuta*, «портной ... старик». После этого заголовка следует ряд строк; в каждой из них читается собственное имя, название местности, идеограмма человека и цифра 1. Может быть, здесь идет речь о зависимых людях — *voveu*, которые на старости лет, ставши непригодными к сельскохозяйственным работам, занялись портняжным делом: каждое селение выставляет по одному такому портному.

Наконец, как я полагаю, это же слово читается в II., X, 84, где знатным *εταῖροι* противопоставляется зависимый человек *οὐρεύς*¹.

Перейдем теперь к той категории зависимых лиц, которая в микенских надписях носит название *зоего* (*δοῦλοι*). Мы убедимся, что и здесь придется иметь дело с очень широкой категорией, включающей людей различного общественного положения.

Несомненно, свободными людьми были *теою зоего*, «рабы божьи»²: еще в классическое время «священные рабы» (*ιεροδοῦλοι*), связанные с храмом Великой Матери Богов (Ma), также были свободными людьми и сами имели рабов. Так, как сообщает Страбон (XII, 535 C), все население города Команы (6000 человек) состояло из *ιεροδοῦλοι*³. Нетрудно видеть, что так обстояло дело уже в микенскую эпоху. В надп. An 607 (см. выше, стр. 13) перечисляются рабыни-полукровки, *зоеја*, выделенные для обслуживания высших должностных лиц. У них один из родителей всегда раб, другой — свободный. В числе этих *зоеја* имеется одна, у которой отец — раб, а мать «зевсова рабыня». Отсюда ясно, что «зевсовы рабыни» считались свободными людьми. «Божьи рабы» известны нам, главным образом, в качестве арендаторов как частновладельческой, так и государственной земли (земли зато «народа»). Они не выделены в особую группу, как настоящие рабы, упоминаемые без имен, только с обозначением числа, а называются в надписях поименно⁴, попеременно с самыми высокими должностными лицами. Однако земельные участки «божьих рабов» обычно маленькие — в среднем каждый из них эквивалентен 9—10 мерам зерна.

В этих же надписях о сдаче в аренду казенной и частновладельческой земли, кроме «божьих рабов», упомянуты и шесть частновладельческих рабов. Отсюда, казалось бы, можно сделать вывод, что рабство в микенскую эпоху находилось еще на патриархальной ступени: рабы в этих надписях вступают в сношения непосредственно с государственными органами, помимо своих господ; народ дает казенную землю в аренду рабам. Однако это лишь поверхностное наблюдение.

В списке Ер 539 таких рабов шесть человек; они записаны попеременно с высокими должностными лицами. Один из них, *Teveta* получает в аренду участок, эквивалентный даже 48 мерам зерна; каждый из остальных пяти получает участок, соответствующий в среднем 7,5 мерам зерна. Трудно предположить, чтобы любой раб, купленный на рынке за деньги, мог пользоваться такого рода привилегиями. Посмотрим поэтому, что это за рабы. Все они упомянуты в надп. Ер 539. Двое из них — рабы жрицы богини Потнии (владычицы) Сфагий; один раб — раб жрицы-ключаря Карпатии в Пилосе. Жрица Потнии имела очень большие наделы земли (Ер 297; Ер 704, 5—6); жрица-ключарь наравне с высшими должностными лицами — коретерами, даматами и порокоретерами — руководит поступлением меди для военно-морского дела и, следовательно, сама считается высоким должностным лицом (Jn 829). Наконец, и жрица Потнии

¹ См. ВДИ, 1956, № 4, стр. 10.

² Так же *V e n t r i s — C h a d w i c k*, Documents, стр. 124 и 236.

³ См. С. Я. Л у р ь е, Культ Матери и Девы в Боспорском царстве, ВДИ, 1948, № 3, стр. 204 и сл.

⁴ На это обращают внимание и *V e n t r i s — C h a d w i c k*, там же, стр. 123.

и жрица-ключарь, равно как и жрец *vetereu*, согласно надписи Еб 317, получают в пользование от народа (*paro zamo*) н а р а в н ы х о с н о в а н и я х с экетами большие участки земли (в общей сложности соответствующие 1296 мерам зерна). Мы знаем из надписи Ап 607, что экеты имели право на обслуживание рабынями-полукровками; можно думать, что подобные привилегии имели и жрица Потнии, и жрица-ключарь, т. е. что и их обслуживали привилегированные рабы высших категорий. Еще три раба из числа упомянутых в надписи Ер 539 — рабы Амфимеда (*Arimezeo*); тогда как рабы жриц получают участки, соответствующие двум—шести мерам зерна, из рабов Амфимеда один получает участок, соответствующий более чем 12 мерам зерна, а другой — крупный участок, соответствующий 48 мерам зерна. Об их хозяине Амфимеде нам известно только, что он имеет в собственности очень большой участок, соответствующий 276 мерам зерна. Участки такой величины получали только высокие должностные лица, а здесь речь идет о собственной земле.

Очевидно, это — важное лицо: Вентрис и Чадвик (*Evidence*, 93) предположили, что *arimede*, ἀμφιμῆδης не собственное имя, а название должности, ср. гомеровское μέδων, μέδέων «властитель»: высшие должностные лица называются то по имени, то по должности, то по тому и другому¹.

Полагаю, что рабы этих лиц по своему положению были близки к «божьим рабам» и поэтому имели указанные выше привилегии². Действительно, из надписей Еб 847 и Ер 704,4 (= Е 321 + 327) мы узнаем о существовании двух категорий привилегированных рабов, получающих на равных основаниях со свободными участки земли в аренду от народа: это — *eqesijo zoero* «рабы, обслуживающие колесничих» и *kititerija* «ячменницы», к числу которых относятся и *zoqejja* «полукровки» разобранной выше надписи Ап 607³.

Надо думать, что рабы привилегированных лиц, получающие в аренду участки наравне со свободными, относятся к одной из этих категорий.

Из пилосских надписей группы Ес мы узнаем, что во главе святилища бога Посейдона стоит особая религиозная корпорация (*фиас*), состоящая из 13 членов; каждый член этой корпорации получает ежегодную «дотацию» (*zosomo*, δοςμός) от государства (надп. Ес 644)⁴. Эти 13 человек поочередно исполняют обязанности казначей святилища; из них — зоеро *Vezeveno*, по видимому, раб бога *Vezeveno* (Εὐδανεύς, ср. Ἀιδωνεύς и т. п.), другой (Ес 650,5) — зоеро *Atimito* «раб богини Артемиды». Ясно, что эти «божьи рабы» — свободные люди, и притом занимающие видное общественное положение.

Можно думать, что рабы отдельных богов — Артемиды, *Vezeveno* и др. — входили в более широкую категорию «божьих рабов»; сюда же входили и «зевсовы рабыни» или «рабыни богини Дивии» (*Zivija zoera*), одна из которых упоминается в надп. Ап 607,5⁵.

¹ См. напр., *ijereja* — Ae 303; Еб 297,1; 317,1; 416,1; Ер 539,7, 8; 704,2; Un 1189; она же *ijereja Pakijana* — Еб 409,1; 1176, 1; Ео 224,6,8; она же *Erita ijereja* — Ер 704,3 и 5; *karaviporo* — Jn 829,2; Еб 317; Vn 48,7; Un 1189,2; она же *karaviporo Karatija* — Еб 338,1; Ер 704,7; она же *Karatija* — Ер 539,9; Un 443,3.

² Ср. *Ventris — Chadwick*, Documents, стр. 124: «В некоторых отдельных случаях рабы тех или иных людей пользуются таким же положением, как рабы бога... Рабы жрицы...».

³ Ср. *Ventris — Chadwick*, Documents, стр. 167—168 и 391.

⁴ Вентрис и Чадвик (там же, стр. 277) понимают *zosomo* (δοςμός) не как выдачу этим 13 лицам, а как их взносы в храм. В рецензии на эту книгу я покажу, что мое толкование и в грамматическом и в смысловом отношении заслуживает предпочтения. Для нашей цели этот вопрос не имеет значения: и при толковании Вентриса и Чадвика рабы Артемиды и *Vezeveno* оказываются свободными зажиточными людьми.

⁵ См. *H. Mühlstein*, «*Minos*», IV (1956), 2, стр. 84.

Очень соблазнительно предположение, что «божьи рабы» — сами они или их родители — были рабами, отпущенными на волю. В позднейшее время самым традиционным и самым обычным способом отпущения рабов на волю было дарение или продажа их божеству; это было лучшей гарантией от захвата рабов наследниками их бывшего господина или посторонними людьми¹. Такое положение вещей могло быть налицо уже в микенское время. Может быть, этим надо объяснять то, что раб Одиссея Евмей, получивший известный достаток и независимость, называется «зевсовым» (δῖος): δῖος ὑφ' ὀρθός. Как правильно указывает Мюлештейн (ук. соч., стр. 84), эпитет δῖος в применении к рабу, хотя бы и привилегированному, не мог быть равнозначен эпитету δῖος в применении к Одиссею («потомок Зевса», «зевсовой крови»). Возможно, что здесь мы имеем ту же формулу δῖος δοῦλος, zivijo zoego, которую мы встретили в надп. Ap 607; можно предположить, что Евмей был в свое время отпущен Одиссеем на волю в форме символического дара Зевсу.

Понятно, что хуже всего приходилось рабам, приобретенным за деньги. Мы уже говорили, что и в позднейшем Крите наиболее тяжелым было положение городских домашних рабов, называвшихся χρυσώνητοι «купленные за золото»; согласно древним авторам, только эти рабы и были на Крите рабами в полном смысле слова.

Из Крита микенской эпохи до нас дошло также два документа о покупке рабов. В одном из них (В 822) читается Sirako qirijato Kutero Poroqerevejo Kutujo zoe[r]jo. Qirijato с переходом q в π (i после q—орфографический, не читавшийся знак) дано в языке классической эпохи πρίατο «купил». Поэтому надпись надо перевести так: «Синак купил у Кутера сына Прокелея, раба Кутуя — (чел.) 1». В другой фрагментарной надписи X 1037 читается:--[z]o[er]a Vekaso ---qirijato «Такой-то рабыню Вэкасо...купил».

Наконец, сюда же, может быть, относится надпись Ae 303, которая, однако, допускает много толкований вследствие того, что в надписях микенской эпохи не пишутся падежные окончания s, n, i. Здесь читается Puro ijereja зоера епека kirusojo ijegojo, что обычно² переводится так, как если бы это соответствовало в позднейшем написании: Πύρω ἱερείας δόλαι ἐνεκα χρυσοῦ ἰεροῦ, причем подразумевают глагол: «были куплены». Получаются: «были куплены за священное золото рабыни жрицы». Но мы уже знаем (выше, стр. 14), что ijereja(s) зоера составляли в Пилосе особую группу, епека может означать также: «для» и общий контекст мог быть такой: «для (охраны) священного золота». Возможен и ряд других толкований надписи³.

Теперь мы можем приступить к разбору указанных выше пилосских надписей о группах рабынь. Надписи эти собраны у Беннета под шифрами Aa и Ab. Они составлены по такому шаблону: 1) название селения, 2) наименование группы рабынь, 3) идеограмма женщины с цифрой, 4) слово kova («девочки») с цифрой, 5) слово kovo («мальчики») с цифрой, 6) идеограмма, которую обычно считают идеограммой пшеницы, и цифра,

¹ См. С. Я. Лурье, Частноправовые документы эллинистической Греции, Пгр., 1915, стр. 1—16.

² См. A. F u r u m a r k, Ägäische Texte in griechischer Sprache, «Eranos», LII (1954), стр. 24.

³ ijereja зоера, ἱερείας δόλαι может означать только «рабы жрицы», а не «жреческие рабы» и не «перодулы», как переводит это слово Я. А. Ленцман (ук. соч., стр. 53 и 57). Это — личные рабы Эриты, жрицы богини Потнии в Сфагиях. Точно так же Каратија — личное имя высокой особы — жрицы-ключаря (kavaviporo), а не рабыни, как утверждает Я. А. Ленцман (ук. соч., стр. 57, прим. 6). См. Ventris—Chadwick, Documents, стр 166: The nature of the transaction is obscure.

7) идеограмма, которую обычно считают идеограммой смоквы, и цифра¹, 8) два знака, тождественные слоговым «za» (который, по-видимому, и есть слоговый знак za, земля) и «ta» (значение которого непонятно); около каждого из этих слов часто стоит еще цифра «1». Надписи группы Aa отличаются от надписей группы Ab тем, что в первой группе название селения отсутствует в огромном большинстве случаев, а во втором — лишь изредка; что в надписях группы Ab содержится указание на количество пшеницы и фиг, а в надписях Aa не содержится.

Хотя значительное количество текстов не дошло до нас, мы вправе вслед за А. Я. Ленцманом утверждать, что каждая из табличек группы Ab есть дубликат соответственной таблички группы Aa с несколько видоизмененным текстом²: мы могли бы сказать, что одинаковые по содержанию, но немного отличающиеся по формулировке записи делались в двух бухгалтерских книгах. Это обычное явление в пилосских надписях: записи группы Eb повторяют записи группы Ep, записи группы En повторяют записи группы Eo. Однако в то время, как в надписях группы E в обоих дубликатах цифры совершенно одинаковы, между цифрами в соответствующих записях группы Ab и группы Aa часто есть различие, правда, обычно небольшое³: так, например, часто количество женщин в одной из соответствующих друг другу надписей больше на 1, а количество девочек одновременно меньше на 1 или уменьшилось количество мальчиков; отсюда можно, пожалуй, сделать вывод, что обе записи сделаны не одновременно и что за истекший промежуток времени произошли незначительные изменения в числе учитываемых, например, та или иная девочка перешла в категорию женщин, или тот или иной мальчик перешел в категорию мужчин, а мужчины в этих списках не учитывались (см. ниже, стр. 23). Эта почти полная тождественность соответствующих надписей двух групп часто дает возможность установить, к какому селению относятся те записи, в которых селения не обозначены. Подавляющее большинство текстов относится к Пилосу, другие — к Левктру, Лоусу, Метате, Ривере и различным другим селениям. По-видимому, каждая надпись дает полное количество женщин, учитываемых в данной местности по данной профессии; из 30 специальностей только в двух случаях дважды упоминается (в надписях группы Ab) одна и та же специальность работниц по одному и тому же селению (ekoroqono в Пилосе — надп. Ab 663 и 1100; rapitir'a

¹ Некоторые ученые считают, что первой идеограммой обозначался ячмень, а не пшеница, а второй — олива, а не смоква, но это сущности дела не меняет.

² Ventris — Chadwick, Documents, стр. 155: «Приблизительное совпадение в цифрах приводит к мысли, что здесь дана численность одних и тех же групп в разное время. В противоположность тому, что, по-видимому, делалось обычно, первые списки не были уничтожены, когда они были заменены другими, — возможно, что вторая перепись еще не была полной, когда составление списков пришлось закончить. По-видимому, нет никакого способа определить промежуток между двумя переписями, хотя очень вероятно, что списки пересматривались ежегодно». См. также E. Vennet, Correspondances entre les textes des tablettes Myceniennes des séries Aa, Ab, Ad, «Colloque international sur les textes mycéniens», P., 1956, стр. 9: «Мы имеем полное право полагать, что эти две группы текстов составлены по разным поводам».

³ Полная тождественность цифр: Aa 795: pavoqe 4—2—1; Ab 558: Puro pavoqe 4—2—1; Aa 313: otirija 21—12—8; Ab 417: Puro otir¹a 21—[12]—8. Незначительная разница в цифрах: Aa 770: kisivija 6—4—6; Ab 194: [Puro] kisivija] onukeja 7—3—6; Aa 783: revotorokovo 38—[?—?]; Ab 553: Puro revotorokovo 37—13—15; Aa 786: nevoroe 8—3—2; Ab 554: nevoroe 7—5—5; Aa 792: kinizija 21—12—10; Ab 189: Puro kinizija 20—10—10; Aa 6: meretirija 7—10—6; Ab 789: Puro meretirija 6—6—3; Aa 354: korokija 8—4—1; Ab 372: Puro korokija 9—2—0; Aa 699: tin^uasija 9—4—3; Ab 190: Puro tin^uasija 9—4—1 (часть черточек, обозначающих 4, стерта, но легко восстанавливается); Aa 701 + 1050 a(64)ja 35—11—14; Ab 515: -Puro a(64)ja 35—12—11; Aa 807: kereca ravijaja 26—7—7; Ab 586: Puro kereca ravijaja 28—9—5; Aa 777: ekeroqono opiroqo 7—3—4; Ab 899: Puro opiroqo 8—3—3.

в Пилосе — надп. Ab 356 и 555). В других двух случаях работницам одной и той же специальности в р а з н ы х селениях посвящены различные надписи одной и той же группы — aketirija по Пилосу — Ab 564 и, может быть, Aa 815, по Лоусу — Aa 717 и Ab 1099; miratija по Пилосу — Aa 1180 и Ab 573, по Лоусу — Aa 798 и Ab 382.

Из 30 названий профессий 15 поддаются более или менее удовлетворительному переводу: meretirija, μελέτριαи «молотьщицы»¹, aketirija, ἀκέστριαи «починщицы», arakateja, ἡλακάτειαи «прядильщицы», porivoko, ποριφοροί (ср. πορφ у Гомера) «работницы по бронзе» (т. е. занимающиеся полировкой, окраской, инкрустацией бронзы и т. д.), kutera₃, χυτήριαи или χύτειαи, ж. р. от kutereu, χυτρός или χυτλεύς (An 607,2) — это не обязательно «горшечницы», а вообще женщины, занимающиеся насыпанием или наливанием чего-либо (ср. χύτλον, χέω), raketeja, πρήκτειαи «прессовальщицы», gineja, λίνειαи «обрабатывающие лен», raketeja gineja «прессовальщицы льна», «мяльщицы льна», vesesijeja (ср. ФерФεείαι, атт. έρεαῖ), «обрабатывающие шерсть», kisivija onukeja, ξέσαι όνύκσαι «полировщицы, гранильщицы драгоценных камней» (ср. ξέω, όνυξ), raqitir¹a или rapitir¹a, ῥάπτριαи «швей», pekitir¹a, πέκτριαи «чесальщицы шерсти» или «стригущие шерсть», ариковoko, ἀπρωκοφοροί «мастерицы лент», revotorokovo, λεβητοροχοί, λουτροχοί «банщицы», «моющие в ванне», аriqoro, ἀμφίπολοι «служанки» (см. ниже, стр. 21), ekerogono, pavoke, έργχειρόποινοι, κάρφορες «исполняющие черную работу», «исполняющие подсобную работу».

Очень интересна в этом отношении привлеченная Беннеттом (ук. соч., стр. 11) надп. An 292, представляющая собой сводку некоторых сведений, содержащихся в надписях групп Aa и Ab. Как справедливо полагает Беннет, под kovo здесь подразумевается «дети» вообще — и мальчики и девочки.

Sitokovo:

karar ¹ aze	(женщ.) 24 kovo 10 ²
korokija	(женщ.) 8 kovo 5 ³
kinizija	(женщ.) 21 kofvo 22 ⁴

Sitokovo, σιτοχοί — работницы, занятые изготовлением, сыпкой, хранением хлебных продуктов (ср. Od., II, 380); эти σιτοχοί, как мы видим, распадаются на четыре специальности, причем слово kinizija (κινίδιαи), несомненно, связано с глаголом κινίω, означающим «растирать», «раздроблять».

Из названий некоторых групп — raminija, kinizija, miratija, kuter¹a, — которые Вентрис, а вслед за ним Я. А. Ленцман (ук. соч., стр. 48) понимают, как «лемнианки», «книдянки», «милетянки», «киферянки», делается вывод, что эти женщины не были «коренными жителями Пилоса», т. е. Пилосского государства; правда, Ленцман оговаривает, что «географические названия в табличках далеко не обязательно означали известные местности классического времени»; но он в то же время утверждает, что «в с е (разрядка моя. — С. Л.) названия местностей, подчиненных Нестору, были прочитаны в пилосских табличках» (там же, стр. 49). Поэтому, по его мнению, «можно с достаточной долей уверенности считать упомянутые категории женщин не коренными жителями Пилоса». Под «местностями, подчиненными Нестору», он, очевидно, подразумевает селения, перечисленные в соответствующем месте II книги «Илиады». Однако утверждение, что

¹ См. Я. А. Л е н ц м а н, ук. соч., стр. 46; ср. ЯКМГ, стр. 283 и 396.

² Ср. Aa 788: karar¹aze (женщ.) 24 kova 8 kovo 2.

³ Ср. Aa 354: korokija (женщ.) 8 kova 4 kovo 1.

⁴ Ср. Aa 792: kinizija (женщ.) 21 kova 12 kovo 10.

названия всех этих селений «прочитаны в пиловских табличках», основано на недоразумении: только очень немногие из названий этих селений обнаружены в табличках. Эти таблички дают далеко не полный список городов Пилосского государства, так что все эти *miratija*, *kinizija* и т. д. могли быть жителями еще не известными нам пиловских поселений с такими названиями.

Еще дальше идут Вентрис и Чадвик (ук. соч., стр. 123 и 155). По их мнению, наличие этих этниконов свидетельствует о том, что «рабочая сила набиралась во время набегов, после которых пленные женщины приводились на новые места жительства, где их обучали ремеслу». Этот вывод подтверждается, по их мнению, термином *gavijaja* [λαΨίαα — «(взятые) из добычи»; ниже я покажу неприемлемость этого перевода — С. Л.], которым обозначены некоторые из этих женщин. Происхождением этих рабынь из добычи, взятой при набегах, Вентрис и Чадвик объясняют тот факт, что до нас дошли списки женщин, но не списки мужчин: мужчины убивались в сражении или после него, «когда греки совершали набеги на не-греческие области¹ Эгейского моря».

Однако мне вообще кажется невероятным, чтобы слова, обозначающие профессию, и слова, обозначающие местность, употреблялись как равнозначные определения в одной и той же графе табличек: если нужно было указать трудовую специальность работниц, то ее не могло заменить указание места, откуда работница происходит. Я показал уже выше, что термины *kuteria*, *kinizija*, *kisivija* проще объясняются как названия профессий, чем как названия местностей. Только относительно слова *kegesa* можно утверждать, что это слово означает Κρησσα «критянка», но это лишь первая часть слов *kegesavevesijeja* (Aa 762; Ab 217; Ad 318) или *kegesagavijaja*². Не должно вызывать сомнения и то обстоятельство, что соединительным звуком в этих сложных словах служит -α-, а не -ο-, это весьма обычно в греческом языке в тех случаях, когда первая часть сложного слова идет по склонению на -α-, в микенских надписях в этом случае никогда не бывает соединительной гласной -ο-³. Связывать *gavijaja*, что бы это слово ни означало, с λαΨία, λεία «добыча», и переводить это слово как «военнопленные»⁴ невозможно: почему бы только одна из категорий пленниц, и притом критских, называлась «пленницами» и противопоставлялась критянкам, обрабатывающим шерсть? По-видимому, критские работницы этих специальностей имели очень хорошую репутацию; поэтому отмечалось, что эти рабыни либо происходят с Крита, либо работают на критский образец⁵. Я считаю невероятным, чтобы «*gaminija* 20» в надписи Ab 189 (*Raminijo*—до-

¹ Почему «не-греческие»? Неужели у этих пиратов были столь определенные расовые симпатии и антипатии? Какое мы имеем основание утверждать, что Милет, Книд и Кифера еще не были тогда населены греками?

² Aa 807; Ab 586; Ad 686. Ср. *keresijo veke*, ΚρησιοΓεργς в Та 641,1 и Та 709,3. То, что *kegesa* здесь написано как отдельное слово, не имеет значения, так как у микенских греков были другие представления о границах слов, чем у нас.

³ *zip⁴eraporo*, *teuterakoroji*, διφτεραφόρος, τευτλακόροις. Ср. в классическом греческом языке *ύδριαφόρος*, *μοιρηγενς*, *νικηφόρος*, *τριτημόρος*, *Τιμηκράτης*, *Ἀθηνάδωρος*, *Ἐρακλής*, *θυραωρός*, *πυλαωρός*. Более того: соединительный звук -ο- встречается даже в тех сложных словах, в которых слово, составляющее первую часть сложного слова, шло по склонению на -ο- или на согласный: в микенских надписях — *vaivaoko*, *astvaohoi*; в классическую эпоху — *δρεπανηφόρος*, *βαλανηφόρος*, *θαλαμηφόρος*, *στεφανηφόρος*, *ἐπιστολιαφόρος*, *ριβλιαφόρος*, *θανατηφόρος*; на древность этих форм указывает то обстоятельство, что они встречаются уже у Гомера (*ἀθηρηλοιογός*) и в сакральных религиозных выражениях: *Ἐλαφηβολίω*, *θυηχοῦς*, *κωνηφόρος*, *ιεραπέλος* и др. См. E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, I, München, 1934, стр. 438—439.

⁴ *V e n t r i s — C h a d w i c k*, Documents, стр. 123.

⁵ Ср. наши выражения «швейцар», «палешани»; античные «танагры» и т. д.; в частности Милет славился издревле производством тканей.

вольно обычное имя в Пилосе) обозначало 20 жителей далекого фракийского Лемноса; слово *gaminija* можно толковать самым различным образом¹, а если это слово и являлось бы этниконом, то соответствующее поселение могло находиться на территории Пилосского государства. Остается *miratija* (или *miratira* Ab 382 — возможно, что это — основная форма). Эта группа работниц засвидетельствована, по-видимому, также в совершенно аналогичных надписях Крита (см. ниже, стр. 21); если это — этникон, то может иметься в виду и знаменитый Милет в Карии и Милет на Крите. И в этом случае я склонен был бы считать, что эпитет *miratija* характеризует здесь не столько происхождение, сколько профессию женщин, не говоря уже о том, что *miratija* может быть до-греческим словом или названием неизвестного нам ремесла.

Итак, иностранное происхождение женщин, называемых в табличках, не может служить доводом в пользу того, что они были рабынями. По месту работы эти работницы распределяются так:

	<i>женщин</i>	<i>девочек</i>	<i>мальчиков</i>
В Пилосе	514	250	205
Вне Пилоса	219	193	75
Невыясненных	—	—	45
Всего	733	443	325

Работающие вне Пилоса распределяются по месту работы так:

	<i>женщин</i>	<i>девочек</i>	<i>мальчиков</i>
Reukotora (Левктр)	23	31	17
Rouso (Лоус)	36	53	30
Metapa (Метана)	10	3	4
Pivere	7	—	—
Euzevero	8	2	3
Ovitono	8	5	2
Zaminijo	—	13	—
Epijotana	8	8	7
Nevopeo	8	3	2
Eviripija (Еврийск. обл.)	16	11	7
Kejo	6	9	6
Potereva (Птелея)	4	4	3
Erikoo	14	5	6

Итак, подавляющее большинство женщин работает в Пилосе; это неудивительно, поскольку и огромное большинство знатных и богатых людей жило, по тогдашнему обыкновению, в главном городе, в резиденции «паря» или «воеводы». Впрочем, впечатление это может быть и преувеличенным, так как много табличек пропало или было разбито²; вполне возможно также, что существовало еще одно хранилище, где находились списки женщин, работающих вне Пилоса; как справедливо предполагает Беннетт (ук. соч., стр. 11), в пилосском хранилище находились только списки работниц по Пилосу и окружающим его селениям. Действительно, например, в нади. 921 группы Ad (в табличках этой группы говорится о сыновьях работниц, упоминаемых в Aa и Ab, см. ниже, стр. 23) упомянуты дети

¹ *λάμνη* «морская рыба», *ράμνος* «кустарник», ср. поселение *Ῥαμνοῦς* в Аттике.

² Gr. V e n t r i s — S h a d w i c k, Documents, стр. 155: «При оценке действительного числа людей этого класса необходимо считаться с утраченными и поврежденными табличками; с другой стороны, в группе Aa может содержаться несколько дубликатов».

работниц *ginejao*, работающие в *Korito* (Коринфе) — соответствующие таблички групп *Aa* и *Ab* до нас не дошли.

Из Кносса до нас дошло более 54 надписей, аналогичных пиловским надписям групп *Aa* и *Ab*. И здесь следуют обычно одна за другой такие графы: 1) число женщин, 2) число мальчиков, 3) число девочек. Основное их отличие от пиловских надписей состоит в том, что графы девочек и мальчиков здесь часто разделены каждая на две подгруппы: кова месое и кова мевіоје, ково месое и ково мевіоје, т. е. *κοῦραι* (*koûrai*) *μείωνες*, *κοῦραι* (*koûrai*) *μείωνες* «старшие девочки», «младшие девочки», «старшие мальчики», «младшие мальчики». К этим словам еще нередко прибавляется *zizakare* (как полагают Вентрис и Чадвик¹, *διδασκάζε* (?) «обученные (ремеслу)») или сокращенно *zi*. В конце строки часто читается, как в Пилосе, *ta* и *za* или обозначается количество пшеницы; количество фиг никогда не обозначается.

Из профессий, указываемых в пиловских надписях, здесь встречается *aketirija* (*Ai739*) и, по-видимому, *miratija*².

Несомненно названием профессии является *енегеја* в надп. *Ak 638* (*Aminiso enegeja ko[va...]* ково...!). Действительно, в надп. *L 695*, где в первой строке помещена идеограмма одежды с цифрой 6, в четвертой читается *енегејуко* (*λευκόν* «белая») и цифра 2. По-видимому, это какая-то белая материя, а *енегеја* — работница, обрабатывающая материю. О профессии *аріојита зоера* (*Ak 824*) будет сказано подробнее ниже.

В этих надписях обычно указывается и место работы — селение или район селения, хорошо известные нам из других кноссских надписей. Для обозначения района (*ager*) селения здесь, как и в пиловских надписях (*Erijatanija* — *Ad 687*; *Zaminija* — *Ad 697*), употребляется суффикс *-ij-*, например: *Rasuto* (*Ai 739*), *Aminisija* (*Ai 825*), *Zateveja* (*Ak 612*), *Ramija* (*Ak 613*), *Anoqota* (*Ak 615*), *Rijonija* (*Ak 624*), *Aminiso* (*Ak 638*), *Paitija* (*Ak 828*), *Za₂vija* (*Ak 830*).

Поскольку эти надписи вполне однородны с соответствующими пиловскими, они могут пролить свет на смысл и характер пиловских надписей. Так, в надп. *Ak 824* читается: *аріојита зоера* (идеограмма женщины) — 32, кова месое — 5, кова мевіоје — 15, ково мевіоје — 4, т. е. «рабыни-служанки (*ἀμφίφοιται δοῦλαι*) — (женщ.) 32, девочек старших — 5, девочек маленьких — 15, мальчиков маленьких — 4». В пиловской надписи *Aa 804* читается: *аріојо* «служанки» (женщ.) 32, девочек 26, мальчиков 15³. *аріојо*, *ἀμφίπολοι* — обычное слово уже у Гомера и означает рабынь-служанок, обслуживающих (букв. «обхаживающих» *ἀμφιπολέω*) господ в доме. Несомненно синонимом этого слова является *аріојота*, *ἀμφίφοιται* в кносской надписи *Ak 824* (*φοιτάω* = *πολέω*). Но здесь для нас важно то, что эти рабыни названы *аріојота зоера*, *δοῦλαι*⁴. Это может слу-

¹ Ventris — Chadwick, Documents, стр. 162. Они сравнивают *Od.*, XXII, 422: τὰς ... ἔργα διδάξαμεν ἐργάσασθαι.

² *Ak 618*: [miratija (женщ.) 1; *Ak 784*: [miratija (женщ.) . .] [kova me]sое zizakare [..] ково мевіоје zizakare; *Ak 623*: . . [mirateja (женщ.) 2.

³ Ср. надп. *Ab 690*, где упоминаются сыновья этих рабынь. То, что *аріојо* = *ἀμφίπολοι*, не подлежит никакому сомнению: *Epiror¹a* = ²*Ἐπιπολία* (*Mn 456.10*); *teorija* (Кносс, *Od. 696.1*) = *τεορορία* (Кносс, *E 1058 + 567.1*), *ἔτεροπολία*. См. L. R. Palmer, *BICS*, 1955, № 2, стр. 38 и 43.

⁴ Вентрис и Чадвик (ук. соч., стр. 164) считают невозможным принятое мною толкование Фурумарка *аріојита* как *ἀμφίφοιται*, на том основании, что в микенских надписях все прилагательные с приставкой могут быть только двух окончаний. Однако и язык Гомера очень часто отступает от этого правила: *complurium adiectivorum compositorum, quorum masculinum in -os desinit, femininum propriam habet formam*, е. г. *ἰθαυατή* (*I. van Leeuwen*, *Enchiridium dictionis epicae*, *Lugd.*, 1894, стр. 190). И в микенских надписях наряду с *зоера аріојита* встречаем *сова ерісота* (*X 984.2: ἐπίκοιται*).

жить веским доводом в пользу утверждения Я. А. Ленцмана, что и упоминаемые в пилосских надписях групп Аа, Аb и Аd женщины были рабынями.

Интересно также выражение кносской надписи X 766: *sova aceto*. Приобретение молодых рабынь, которые одновременно должны были и служить наложницами хозяину и заниматься домашней работой, было весьма обычным делом уже в древнейшее время¹.

В указанной кносской надписи *sova aceto* поэтому означает $\kappa\omicron\rho\Gamma\eta$ ($\kappa\omicron\rho\rho\eta$) $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\tau\omicron$, а в надписи X 984: *pate kezemena sova epicota = \acute{\alpha}\nu\tau\eta* ($\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\iota$) $\kappa\eta\rho\delta\epsilon\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ $\kappa\omicron\rho\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\pi\iota\kappa\omicron\iota\tau\alpha\iota$ ($\kappa\omicron\iota\tau\eta$ «ложе») означает: «заботящиеся обо всем (т. е. „на все руки“) девушки-спальницы».

Для решения вопроса о том, были ли упоминаемые в разбираемых надписях женщины и дети свободными или рабами, может быть, имеет значение и надпись Ak 611 из Кносса. Верхняя строка начинается словом *toteja*: означает ли это район селения или профессию, определить трудно. Далее по обычному шаблону читаем: *za 1 ta 2* (в пилосских надписях при *ta* всегда стоит цифра 1!) и затем «(женщ.) 10» и непонятное слово *zezikuja*, после которого опять стоит идеограмма женщины. В нижней строке читается: *kova mesoe — 4, kova mevijo* (цифра обломана). *Zezikuja*, $\delta\epsilon\delta\iota\kappa\nu\tau\alpha$ может быть только причастием перфекта ж. р. от корня $\delta\iota\zeta-$, или $\delta\iota-$, т. е. либо от глагола $\delta\iota\zeta\omega$, либо от глагола $\delta\iota\omega$. Оба глагола имеют смысл «убегать». Если это слово означает «беглые», то не может быть сомнения, что речь идет о рабынях².

Для определения характера интересующих нас пилосских надписей очень интересно еще и то, что в критских надписях этого же типа часто указывается, от какого хозяина получены упоминаемые в надписи женщины и дети: *pafo Uasijo* «от Васия» (Ai 115), *Torovo* (Ag 89 — личное имя, ср. пилосские надп. An 129,5; Vn 130,8), *Qerijo* (Ag 1654), *Tanaqo Aminisijo* (Ai 825); надп. Ai 63 начинается словами *Peserojo eesi*, $\Psi\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\iota\acute{o}$ $\epsilon\iota\sigma\iota$ «принадлежат Пселлу». Теперь вспомним, что женщины, рожденные от браков рабов со свободными, направлялись в организованном порядке для обслуживания высших должностных лиц — *tereta* и *eqeta*, «колесничих» (An 607). Надписи сообщают, что и ремесленники распределялись в таком же организованном порядке. Мы знаем далее, что рабыни по специальному расписанию направлялись в храмы богов вместе с треножниками, золотыми чапками и т. д. Все эти факты открывают новую возможность толкования пилосских надписей групп Аа и Аb. Не дают ли они нам права предположить, что и в данном случае речь идет об общественной повинности: что рабовладельцы по особым раскладкам должны были направлять определенное количество рабынь для обслуживания высших должностных лиц, а пилосский дворец играл роль чего-то вроде первобытного бюро по распределению рабочей силы — он регистрировал, учитывал этих рабынь и направлял их по назначению?

Если бы это подтвердилось, то стало бы вполне понятным, почему эти женщины всегда упоминаются вместе с детьми: детей нельзя было оставить без матерей, а расходы на них окупались тем, что они помогали матерям, а матери учили их и готовили к их будущей профессии.

¹ Ср. II., XXIII, 262, где в качестве приза на состязании победитель может «привести себе в дом женщину, умеющую безукоризненно исполнять домашнюю работу» ($\gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\alpha$ $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\mu\beta\mu\omicron\nu\alpha$ $\acute{\epsilon}\rho\upsilon\alpha$ $\iota\delta\upsilon\lambda\alpha\nu$). Глагол $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, имевший техвическое значение «вводить в дом женщину наложницу», мог иметь подлежащим не только «женщина», но и «девушка», см. Od., IV,10: «сыну ввел в дом девушку из Спарты» ($\upsilon\iota\acute{\epsilon}\iota$ $\delta\epsilon$ $\Sigma\pi\acute{\alpha}\rho\tau\eta\theta\epsilon\nu$ . . . $\acute{\eta}\gamma\epsilon\tau\omicron$ $\kappa\omicron\rho\rho\eta\nu$).

² Ventris — Chadwick, Documents, стр. 163, полагают, что *zezikuja* — ошибка писца, вместо *zezizakuja* «обученная».

Но совершенно немыслимо, чтобы у свободных людей, принадлежащих к тому самому замо, «народу», который формально был господином страны, можно было отбирать жен с малыми детьми и направлять их на работу. И по этой причине также необходимо признать, что Я. А. Ленцман прав, когда считает, что речь здесь идет о рабынях.

Тот же автор (ук. соч., стр. 51 сл.) дал правильный ответ на вопрос, какова была дальнейшая судьба детей этих рабынь. Об этом мы узнаем из надписей группы Ad, количество которых в настоящее время достигает 45. Они содержат такие графы: 1) название местности, 2) название профессии работниц (тех же профессий, что и в надписях групп Aa и Ab) в род. пад. мн. ч. и затем слово *kovo*, т. е. «сыновья таких-то работниц» (напр., *aketir'ao(n) kovo* «сыновья починщиц»), затем идеограмма мужчины и цифра, затем слово *kovo* «мальчики» и цифра. Очевидно, подобно тому, как на Крите мальчики подразделялись на «старших» и «младших», и здесь эти сыновья работниц подразделяются на «взрослых» и «детей»; необходимо согласиться с Я. А. Ленцманом в том, что старшие мальчики, достигшие юношеского возраста, отбирались у матерей и направлялись на работу как самостоятельные работники; упоминание при них «мальчиков» я объяснял бы тем, что, став самостоятельными рабочими, старшие сыновья работниц брали с собой в качестве помощников младших мальчиков, за которыми они и надзирали.

Эти молодые рабы посылались на работу, очевидно, не только во дворцы знатных вельмож: тогда как в надписях группы Aa и Ab в качестве места работы в подавляющем большинстве случаев указан Пилос, в надписях группы Ad, в которых сохранились названия местностей, только в 15 из 41 указан Пилос. Интересно отметить, что согласно этим надписям мальчики отбирались не только у рабынь, но и у мужчин—зависимых людей: в надп. Ad 142 указан *voveu kovo* (см. выше, стр. 13); к надп. Ad 684 на боковой грани приписано: *Aruneve eretao kovo*, Ἀρονηφεῖ ἐρετάων κόρφοι: «в Апоневе сыновья гребцов». Из надп. An 610 нам известно, что в гребцы шли главным образом свободные люди, и в том числе полноправные граждане (*kitita*), но среди гребцов были и зависимые люди, напр., *rokuta* (стк. 15) и, вероятно, именно у них отбирались дети для принудительных работ.

Характерно и то, что в противоположность рабам высших категорий, рабы низшей категории не называются по именам¹: в этом случае указывается только число рабов, а иногда и имя хозяина. Так в надп. Jn 310, где указано количество меди, выданное государством для обработки различным кузнецам, в конце указано количество рабов, работающих у некоторых из этих кузнецов. При остальных кузнецах количество рабов не указано — можно думать, что эти кузнецы рабов не имели, а в работе им помогали члены семьи. Такую же сводку количества рабов у кузнецов представляет собой строка 25 надписи Jn 431, имеющей содержанием также распределение меди между кузнецами. Здесь после стертого или обломанного заголовка читается «у [Са]керея (чел.) 10, у Тосана (чел.) 5, у Акетаона (чел.) 31» и т. д. В конце надписи Jn 706 также упомянуты рабы кузнецов (*tosoze zoego* «столько рабов»); здесь перечислены рабы пяти кузнецов (имена кузнецов обломаны; у каждого по одному рабу). В надписи Jn 750 один из кузнецов носит имя *Euveto*; в конце надписи читается *Euvetoro zoego* «раб Евветора»; имена других кузнецов, имеющих рабов, обломаны.

В такой же форме упомянуты рабы в надписи Fn 50. Здесь речь идет о распределении продуктов: указывается количество продуктов, причитаю-

¹ Отметим, что лошади (или волы) в разбираемых надписях, как правило, называются по именам!

щееся каждому из должностных лиц и ремесленников, а в конце надписи — количество продуктов, предназначающееся их рабам, причем эта графа сформулирована так: «рабам такого-то столько-то».

Теперь вспомним, что в пиловских надписях групп Аа и Аb работники, подобно рабам в других приведенных нами надписях, также не названы по именам, а указано только их число.

Резюмирую сказанное. В микенскую эпоху рабы не представляли собой класса, резко противопоставленного свободным: существовал целый ряд промежуточных ступеней, рабы могли вступать в брак со свободными. Положение низшей категории рабов было тяжелым: их покупали и продавали за деньги, детей и жен отнимали у отцов, матерей и мужей. Как правило, рабы принадлежали частным лицам — только один раз упомянут раб, принадлежащий народу. Надо думать, что рабы «царя», «воеводы», телестов, колесничих и т. д. были их личной собственностью на таком же основании, как рабы других частных людей. Нет никаких данных для допущения существования какого-то «дворцового хозяйства», которое было бы в одно и то же время и государственным хозяйством и частным хозяйством «царя». Система принудительных работ по раскладке между гражданами, система «литургий» — наиболее характерная черта микенского общества: Поэтому мне кажется, что вполне допустимо следующее предположение: в порядке таких «литургий» рабовладельцы обязаны были выделять определенное количество рабов для выполнения государственных работ и обслуживания высших должностных лиц. Я думаю, что надписи групп Аа и Аb надо объяснять так, пока не найдено лучшего объяснения.

